

Первый день нового года принято было проводить с семьей, в кругу самых близких и дорогих людей. Многие праздновали не выходя из родительского дома, однако Фэн Жуну эту ночь пришлось провести вне родных стен. Не стоит его жалеть, в остальном он был в компании Первой принцессы и Яо Хуэя, что развлекали его до самого рассвета, счастлив: а, передохнув несколько часов, молодой господин собрался, чтобы навестить в поместье хоу Фэн Сяолин.

Если опираться на традиции, то это именно она должна была прийти с утра в родительский дом. Из старших родственников у Фэн Сяолин осталась лишь бабушка, и ее следовало поздравить в первую очередь. Однако после замужества статус девушки благодаря ее мужу, генералу, стал куда выше, чем у жильцов поместья Фэн. Конечно, глава поместья, Фэн Жун, тоже занимал хорошую должность, был вхож в малый совет Императора и обладал в столице недюжинным влиянием, однако все же его гражданский чин ценился куда менее, чем военный Пань Таня. Трудно было сказать, кто в самом деле обладал более сильным в столице влиянием, но этим утром именно Фэн Жун собрался для визита в поместье хоу.

Если опираться на традиции, его там вовсе не должно было быть. Ушедшую в дом мужа девушку могли навещать ее мать, сестры и другие близкие родственницы, однако отцам и братьям следовало держаться подальше и довольствоваться рассказами о жизни молодой жены, принесенными на подолох чужих одежд. В ином случае разве это не выглядело бы так, словно родственники жены считают ее в доме мужа чем-то обделенной? Кто-то мог бы даже решить, словно этот брак и муж в нем плох, раз жене приходится обращаться к своим родственникам для защиты...

Фэн Жун никогда не любил опираться на традиции. Кроме того, он бы без страха в лицо хоу с легкостью заявил, что искренне считает его для Сяолин и Чэнхуа опасностью, и желает сделать все, чтобы отгородить их. Решительность эта была молодого господина, или глупость, оставалось только гадать. Некоторые его порывы были весьма... очаровательны, но иные вызвали желание лишь закатить глаза и убраться подальше.

Господин Ли бы с радостью это и сделал, если б прихорашиваться Фэн Жун отчего-то не пришел этим утром в его покои. За ночь, проведенную на улице, тело Ли Инчуня вымерзло до самых костей, и пальцы сделались слабыми и ломкими. Господин Ли едва вернулся из императорского дворца: там с третьей стражи его и Пятого принца всячески допрашивали о случившемся, а после нехотя отпустили. Первая принцесса, живая и здоровая, вернулась в объятья отца-Императора, а что же до Фу Ичжэня, что не смог «ее» защитить... Тот был пока отправлен в наказание в свое поместье, откуда не мог выйти до позволения Императора. Учитывая нелюбовь Его Величества к этому своему наследнику, это заключение для него могло стать последним.

Внимательно наблюдая в отражении бронзового зеркала, как Фэнцзи расчесывает его волосы, Фэн Жун говорил:

— То, что никто не знал об истинном местонахождении Ее Высочества в эту ночь спасло ей жизнь, и теперь Император понимает, что где-то среди его приближенных есть предатель: иначе как путь движения паланкина стал бы известен? Его Величество не станет сразу наказывать Пятого принца, а предпочтет тихо разобраться с этим.

— Разбираться с Его Высочеством смысла вообще нет, — заметил господин Ли в ответ. Он сидел в кресле с высокой спинкой, близко придвинутом к горящей жаровне, на коленях его лежал плед и Дами, а плечи все еще скрывали тяжелые одежды. Даже котенок от духоты перевернулся на спину и раскинул лапы в разные стороны, подставляя задумчивым пальцам Ли Инчуня незащитный живот, однако господин Ли все еще едва заметно подрагивал. — Была

ли в самом деле в случившемся его вина? Император, конечно, ответит, что несомненно, но и он не может действовать лишь из своей злобы. Боязнь того, как на этоотреагируют другие придворные, сковывает ему руки.

— Мне кажется, наказания ему вполне достаточно, — сказал Фэн Жун. — Через пару дней в столице начнутся представления по роману Чжан Юэ: невозможность посмотреть их для Его Высочества станет сущим испытанием.

— А молодому господину бы лишь злорадствовать... — покачал головой Ли Инчунь, но тут же вновь поднял взгляд и глаза его стали серьезны. — Пань Тань сейчас должен помогать Императору в расследовании, к тому же гвардейцы принца однозначно осудили его — Его Величество не может это проигнорировать. Но все же, если встретите генерала в поместье хоу, ничего ему не говорите, и делайте вид, словно не знаете о случившемся. Вы гуляли с Первой принцессой, потом доставили ее во дворец и тут же поспешили к сестре: разузнать о последних новостях времени не было. И, конечно же, с нами вы никак не связаны.

— Человек, живущий под моей крышей, двоюродный брат: конечно ни о ком из них я ничего не слышал, — поворачивая голову, чтобы лучше рассмотреть собранный Фэнцзи высокий хвост, сказал Фэн Жун. От висков его волосы были заплетены в мелкие косы, а на шпильке было несколько тонких серебряных нитей, похожих на паутинку. Молодой господин поднял на свою служанку взгляд: — Ее Высочество сказала, что мне пойдет такая прическа. Как я выгляжу?

— Просто прекрасно, господин! — хлопнув в ладоши, улыбнулась Фэнцзи. — Вам в самом деле очень идет: лицо становится острее, и глаза краше! Очень, очень красиво!

Фэн Жун не стал прерывать явно чуть более льстивые, чем следовало бы, речи служанки, продолжая крутить головой в разные стороны, чтобы лучше рассмотреть свои волосы. Оставшись удовлетворенным видом, юноша поднялся.

— Когда я не советую вам вы злы, когда советую — не слушаете, — вздохнул господин Ли. — Молодой господин в самом деле изменчив, словно море.

Фэн Жун в ответ рассмеялся:

— Господин Ли, я вас внимательно слушал и запомнил каждое слово! Однако сейчас, когда прошла такая прекрасная ночь, и утро обещает быть не менее чудесным, я просто не могу думать о плохих вещах! Наконец-то я вновь увижу Сяолин и Чэнхуа! Не могу дождаться посмотреть, как малышка выросла!

— Вы не видели ее всего пару недель, — напомнил Ли Инчунь. Фэн Жун отмахнулся:

— Дети в ее возрасте растут так быстро, что не успеешь оглянуться, как они уже изменятся до неузнаваемости! Я и так каждую ночь грущу от того, что не могу видеть с ними обеими чаще.

— Молодой господин так несчастен, — запричитала Фэнцзи. Господин Ли фыркнул:

— Да уж, как вынести его долю...

Настроение Фэнцзи, подобно ее господину, было легким и беспечным: настолько, что девушка забывала о приличиях и правилах. Услышав клевету в сторону своего обожаемого господина, она сказала:

— Вы говорите так только от зависти, потому как сами не едете к семье!... — но тут же, поняв

смысл своих слов, замолкла. Ли Инчунь не выглядел задетым или обиженным. Он лишь пожал плечами:

— Молодому господину следует вернуться поскорее. Есть много дел, какие нам следует обсудить.

В этот момент в покои вошел лекарь Линь, что принес господину Ли обычное его лекарство и целебные отвары, что должны были выгнать из крови юноши холод этой ночи. От вида подноса с пиалами и плошками Ли Инчунь скривился. Горло его пересохло и он чувствовал, как тело становится без лекарств пугающе слабым, непослушным — но испытывал недовольство от необходимости вновь их принимать. К тому же лекарь Линь, несмотря на свои божественные навыки, совсем не заботился о вкусе или текстуре лекарств, потому зачастую влить их в себя было тем еще испытанием. Господин Ли не смел жаловаться — но душа его печально вздыхала.

Между тем, лекарь Линь, заметив покоях Фэн Жуна, улыбнулся ему:

— Молодой господин, передайте барышне, что все слуги в поместье очень скучают по ней и если чем-то мы можем помочь — пусть только скажет. Она и юная барышня всегда желанные гости здесь.

— Не гости, а равные домочадцы, — заметил Фэн Жун и лекарь Линь с удовольствием закивал.

— Если барышне нужен совет этого старого человека, то пусть не надеется лишь на кормилиц и почаще присматривает за юной барышней сама, слушает ее дыхание и пульс. Часто такое бывает, что дети болеют без всяких симптомов, и обычный человек этого не заметит: лишь опытный лекарь и мать. Барышне не следует пренебрегать здоровьем.

— Конечно, я ей передам, — с улыбкой ответил Фэн Жун. Лекарь покивал головой и, продолжая что-то бормотать себе под нос, вернулся к Ли Инчуню. Через мгновение вспомнив, старик обернулся: — Ах, и у дверей двора вас уже ожидают.

Если опираться на традиции, то навестить Фэн Сяолин сегодня следовало ее бабушке и матери: но матушка Сяоху едва ли теперь покидала поместье Фэн, а госпожа поместья была давно мертва. Из ближайших родственниц-женщин Фэн Сяолин могла посетить только ее младшая сестра, Фэн Баочжай — и Фэн Жун, который с достоинством молодого господина все правила и предписания предпочитал игнорировать. У ворот как раз дожидалась молодая барышня: она куталась в меха и изо рта ее вылетали облачка теплого пара, а служанки рядом с ней старались стоять покучнее, чтобы уберечь свою госпожу от холодного ветра: поистине похвальная преданность.

Фэн Жун, покинув павильон, окинул сестру быстрым взглядом и сухо поздоровался: он не испытывал к ней ни любви, ни ненависти. Если к Фэн Диши, в сердце матери которого жило желание изжить Фэн Жуна с поста главы семьи, юноша не мог относиться беспристрастно, то Баочжай воспринимал... нет, он совсем не видел ее сестрой, или иной родственницей: даже странным казалось эту молодую девушку называть так же, как Фэн Сяолин, которая для Фэн Жуна была дороже всех прочих. Баочжай же была скорее кем-то вроде дальней родственницы, что жила рядом, молчаливой и не создающей проблем. Конечно, Пятый принц и господин Ли в красках расписали, что выяснили о Баочжай за время болезни молодого господина, но Фэн Жуна это, на самом деле, совсем не трогало. Для вида он возмущился поведению сестры, но после забыл об этом вовсе: пока она не доставляет проблем поместью Фэн и умеет сдержать себя, это в самом деле было не дело занятого до крайности собственными переживаниями молодого господина.

И все же по пальцам одной руки можно было пересчитать моменты, когда так надолго Фэн Жун и Фэн Баочжай оставались бы наедине друг с другом. В повозке, в которую они забрались у главных ворот поместья, было тихо, словно на поминальной службе. Молодые люди смотрели в разные стороны и думали о вещах настолько несвязанных, что действительно можно было усомниться в их кровном родстве.

Поместье хоу при приближении повозки семьи Фэн широко распахнуло ворота — и тут же Фэн Жун забыл обо всех своих мыслях относительно родственницы. Он первым покинул экипаж и окинул взглядом слуг, что их встречали. В первый миг молодой господин расстроился из-за того, что Сяолин не вышла встречать его, но после задумался и согласился с ее решением: погода стояла холодная, выпавший ночью снег звонко хрустел под ногами, и щеки щипал мороз. И Сяолин, и Чэнхуа лучше оставаться в эти дни в натопленных покоях и никуда не выходить: когда-то давно Фэн Жун слышал, что после родов женщины становятся хрупкими, словно хрустальные вазы, и могут захворать даже от летнего ветра. Собственная болезнь еще ощущалась хрипотой в голосе и слабостью в конечностях, и молодой господин не желал подобного состояния сестре: пусть бы нежилась себе во внутренних покоях, как ей полагается.

Среди всех слуг была одна старшая служанка: она поклонилась господам чуть выше остальных, а после, подняв голову, улыбнулась:

— Молодой господин, наша госпожа знает о вашем приезде и вскоре выйдет, чтобы поприветствовать вас. Это служанка отведет вас в зал...

— Вот еще, — фыркнул Фэн Жун. Слуги подняли на него удивленные взгляды, а молодой господин бесстрашно махнул рукой. — Мы росли с ней в одном доме, с чего бы мне дожидаться ее, подобно иным гостям? К тому же, я хочу поглядеть на Чэнхуа: неужели ее по холоду понесут куда-то? Нет, я пойду во двор к сестре, — и едва ему хотели возразить, Фэн Жун добавил: — Подарки поместью хоу в повозке, разберите их как полагается.

Ошарашенным чужой наглостью слугам осталось лишь наблюдать, как молодой господин скорым шагом удаляется по знакомому ему пути, а за ним вереницей тянутся служанки и Фэн Баочжай. Конечно, следовало уже привыкнуть что к любви Фэн Жуна к сестре, что к попранию им любых правил поместья хоу... но в самом деле, из раза в раз молодой господин превосходил сам себя!

Фэн Жун не хотел ждать. Возможно, таким несдержанным он вырос оттого, что дома редко когда родственники придерживались жестких правил, и войти в чужую комнату не было странным — молодой господин и тут не желал переучиваться. Ведь не значило бы это, что он и Сяолин друг от друга отдаляются? Да, у нее теперь был муж и прекрасная дочка, да и Фэн Жун давно не был наивным юнцом, но нежную привязанность он всеми силами хотел сохранить до последнего: до тех пор, пока это будет возможно.

Все же позволив слугам у двора Сяолин доложить о себе, Фэн Жун в странном волнении замер у выкрашенных красным дверей и огляделся. Стены поместья хоу были высоки, стражники суровы, а атмосфера вокруг была тихая и спокойная... Немного пугающая. Где-то тут, за резными крышами скрывался ныне пустой павильон Цветения, и кто знает, какие еще тайны...

Двери покоев наконец открылись и на пороге появилась сама Фэн Сяолин. Она улыбнулась:

— Негодник, неужели нельзя было дожидаться меня, как все иные гости?

— Я не иной гость! — возмутился Фэн Жун, но тут же сделал шаг за порог и взял в свои руки теплые, нежные ладони сестры. Он и сам не заметил, в какой момент стал выше ее, но теперь

вдруг небывало четко заметил эту разницу. С нынешнего его положения Сяолин казалась особенно хрупкой и изящной. Фэн Жун поспешил подтолкнуть ее обратно к комнатам. — Не стоит стоять на холоде, пойдем внутрь. Знаешь, лекарь Линь дал мне несколько напутствий для тебя, не стоит заставлять его волноваться...

— Конечно-конечно, — со смехом подхватив чужие руки, ответила Сяолин. Она была искренне рада встрече, и даже на спутников брата кинула лишь быстрый взгляд. Заметив Баочжай, Сяолин с легкой улыбкой ей кивнула. — И все же вы что-то поздно. Я ожидала, что Жун-эр прибудет с первыми петухами. Неужели что-то задержало тебя в пути?

— О чем ты говоришь? — возмутился Фэн Жун. — Сама всегда просишь меня не торопиться, а я, между тем, проснулся раньше всех слуг в поместье! Все ждал и ждал, как можно будет поехать, кажется, ждал несколько лет!

— Сколько страданий, — ласково ответила Сяолин и тут же ухмыльнулась. — Впрочем, может дело в том, что слуги дома разбаловались.

— О чем вы говорите, барышня, мы все не жалеем себя в служении господину, — сказала Фэнцзи. Как и все то, что нравилось Фэн Жуну, Фэн Сяолин была для нее дорога. Со слугами девушка была ласкова и справедлива, потому многие ее любили и совсем не боялись.

Сяолин хотела ответить — однако неожиданно вступилась одна из ее служанок. Неприязненно поглядев на Фэнцзи, она сказала:

— Госпожа Фэн теперь хозяйка поместья хоу, невежливо называть ее «барышней».

В самом деле: Фэн Сяолин покинула родительский дом, теперь она не могла быть «молодой госпожой» для своих прошлых слуг. Любой, кто был долго знаком с ней, а теперь услышал подобное, был бы расстроен. Конечно, и тут жизнь Сяолин была хороша, но разве это не обычное человеческое желание, грустить по ушедшему? Фэн Жун нахмурился, а Фэн Сяолин поглядела на служанку строго.

— Фэнцзи меня знает с девичества, пусть называет, как хочет.

Однако служанка неожиданно не желала сдаваться: она поджала губы и сказала:

— Госпожа, в поместье хоу...

— Поместье хоу, хозяйка которого — я, — строго ответила Сяолин и служанка замолкла. В голосе девушки, обычно ласковом, словно шум горного ручья, появились ледяные нотки. — Желаешь учить меня?

Служанка тут же упала на колени:

— Эта слуга не смеет.

Сяолин отвернулась и раздраженно взмахнула рукавом:

— Иди, займись работой, — и, оглядев остальных слуг, добавила громче: — Расходитесь: за разговором с братом и сестрой мне ваша помощь не требуется.

Рядом с Фэн Сяолин остались только несколько ее доверенных служанок, которые пришли за госпожой из родительского дома. Глядя, как слуги расходятся, послушно, но будто с

затаенным недовольством, Фэн Жун вздернул бровь:

— Цзе-цзе, и ты мне говоришь о распущенных слугах? Это их хоу надоумил перечить хозяевам?

— Оставь, это пустяк, — устало отмахнулась Фэн Сяолин. Вместе с братом и сестрой она вошла в натопленные покои и двери за господами плотно закрыли. Пока Фэн Жун снимал подбитый мехом плащ, девушка продолжала говорить: — Они послушны и не притесняют меня, но за правила готовы грызть глотки, словно бешеные собаки. Таковы тут порядки. Несколько недель назад ко мне пришла подруга, и ее отчитали еще у ворот: кто-то услышал, как она назвала меня по имени, хотя сама является дочерью ремесленника. Я говорила об этом с моим господином, но он непреклонен в том, что правила должны исполняться: пусть и не заставляет меня следовать им, — Фэн Сяолин улыбнулась. — Иначе как бы я могла встретиться с тобой?

— Еще бы он запретил, — фыркнул Фэн Жун. Сестра посмотрела на него с нежностью.

— Это в самом деле не доставляет мне неудобств: я думаю лишь, что, когда у меня родится сын, слуги будут внушать ему странные мысли из армейских правил... но об этом думать еще рано.

Фэн Жун, который оправлял свою одежду, от этих слов на миг замер, а после поднял на сестру взгляд и с долей неловкости спросил:

— Ты хочешь... снова родить от него?

Лицо Фэн Сяолин не дрогнуло.

— Он мой муж. О чем ты говоришь?

— Да-да, конечно, — неловко потеряв переносицу, отозвался Фэн Жун. Он истово желал расспросить сестру, но испытывал долю неловкости от разговора на такие темы. Одно дело играть с племянницей, но задумываться о том, как она появилась на свет... Фэн Жун не желал и лишнего мгновения размышлять о таком, если в этом была замешана его сестра. — Однако ты же знаешь, он... Ты знаешь, что случилось с господином Ли.

— Я пока не беременна, потому говорить о чем-то слишком рано, — отозвалась Фэн Сяолин и вдруг указала вглубь комнаты. — К твоему приезду я приказала кормилице принести Чэнхуа в мои комнаты. Хочешь поздороваться?

Любые тревоги тут же словно вода испарилась с лица Фэн Жуна и оно озарилось искренней радостью:

— Конечно!

Служанка отвела его к колыбели, где лежала Чэнхуа, а Фэн Сяолин проводила брата, у которого от предвкушения и радости стали даже подрагивать пальцы, снисходительным взглядом. Она чувствовала гордость от того, что так много мужчин вокруг в восторге от ее ребенка.

Переведя взгляд на неловко замершую у дверей Баочжай, Сяолин улыбнулась ей:

— Спасибо, что приехала, мне радостно видеть вас обоих. Как здоровье твоей матушки?

— Благодарю, сестра, все благополучно, — опустив взгляд, отозвалась Баочжай и тут же

заученно добавила: — Матушка передает вам и племяннице свои искренние пожелания здоровья и радости, и этот талисман, — из рукавов одежд Баочжай достала красный талисман из тех, которые можно было купить в храме, и двумя руками протянула его Сяолин. — Счастливого нового года.

— Счастливого нового года, — благодушно отозвалась Сяолин, принимая подарок. Жестом она пригласила сестру за собой. — Пойдем, я приготовила для тебя и наложницы Чжоу подарки. Надеюсь, вам понравится.

— Сестра очень добра... — смущенно пробормотала Баочжай.

Маленький театр:

Фу Ичжэнь: ...интересно, а когда у него будут собственные дети, он будет относиться к ним также?

Ли Инчунь: Ммм, мне кажется он лопнет от счастья до их рождения. Они останутся сиротами.

Фэн Жун: Вам, парочке обрезанных рукавов, этого не понять!..

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1745802>